

УДК 346.1

СОЦИАЛЬНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В РОССИИ: ПОИСК ПРАВОВОГО БАЛАНСА МЕЖДУ ИЗВЛЕЧЕНИЕМ ПРИБЫЛИ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ПОЛЬЗОЙ

Ерополова Виктория Игоревна

студентка 3 курса Оренбургского института (филиал)

Кузьмина Мария Вячеславовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теоретико-правовых и исторических наук

Оренбургский институт (филиал) ФГАОУ ВО «Московский государственный

юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

Россия, г. Оренбург

Аннотация. В статье исследуется правовая природа социального предпринимательства как института, сочетающего коммерческие и социальные начала. Анализируются действующие нормативные акты, позиции учёных-правоведов, а также судебная практика. Предлагается собственное видение проблемы разграничения социального предпринимательства и смежных явлений, обосновывает необходимость принятия самостоятельного федерального закона.

Ключевые слова: социальное предпринимательство, социальное предприятие, правовой статус, государственная поддержка, предпринимательское право.

SOCIAL ENTREPRENEURSHIP IN RUSSIA: FINDING A LEGAL BALANCE BETWEEN PROFIT AND SOCIAL BENEFIT

Yeropolova Victoria I.

3rd year student

Kuzmina Mariya Vyacheslavovna

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of Theoretical-Legal and Historical Sciences,

Orenburg Institute (branch) of the O. E. Kutafin MSLA, Orenburg

Abstract. This article examines the legal nature of social entrepreneurship as an institution combining commercial and social principles. It analyzes current regulations, the positions of legal scholars, and judicial practice. The article presents its own vision of the problem of distinguishing between social entrepreneurship and related phenomena, and justifies the need for an independent federal law.

Keywords: social entrepreneurship, social enterprise, legal status, state support, entrepreneurial law.

«Надо снять все разногласия, проработать в тесном контакте с парламентариями, с бизнес-сообществом все вопросы... чтобы принять закон о социальном предпринимательстве в самые

короткие сроки» [10] – именно так высказался Президент Российской Федерации В.В. Путин на пленарном заседании форума «Опора России» в октябре 2018 года, выразив при этом очевидное недовольство тем, что принятие давно назревшего закона затянулось на год сверх установленного срока. Замечание Президента РФ обнажило суть противоречия: государство осознаёт общественную ценность социального бизнеса, однако не торопится создавать ему прочный правовой фундамент. Прошло ещё несколько лет. Изменилось ли что-то по существу?

Сегодня социальное предпринимательство регулируется разрозненными правовыми актами, не образующими единого массива.

Конституция Российской Федерации закладывает исходные принципы: статья 7 провозглашает Россию социальным государством, статья 34 гарантирует свободу экономической деятельности, статья 8 – защиту всех форм собственности [5].

В сфере отраслевого регулирования основополагающим документом выступает Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (ФЗ № 209) [11]. В соответствии с пунктом 7 статьи 3 данного закона под социальным предпринимательством понимается предпринимательская деятельность, ориентированная на достижение общественно значимых результатов и решение социальных проблем как отдельных граждан, так и общества в целом, при условии соблюдения требований, установленных частью 1 статьи 24.1 этого же нормативного акта.

Статья 24.1 Федерального закона № 209 закрепляет чёткие условия, при соблюдении которых организация может быть признана социальным предприятием. В частности, требуется обязательное привлечение к работе представителей социально уязвимых групп населения – таких как люди с инвалидностью, одинокие родители, пенсионеры, выпускники детских учреждений и другие. При этом их доля в общей численности сотрудников должна составлять не менее 50%, а затраты на их заработную плату – не менее 25% от общего фонда оплаты труда. Кроме того, законодатель определяет перечень из восемнадцати допустимых видов деятельности – от оказания социальных услуг до организации туристических программ для людей с ограниченными возможностями здоровья.

Одновременно применяется Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» [10], где в статье 31.1 рассматриваются социально ориентированные НКО. Также действует закон от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан», который регулирует статус и деятельность поставщиков социальных услуг, включая негосударственные структуры [12].

Однако на федеральном уровне до сих пор отсутствует единый закон, посвящённый социальному предпринимательству. В результате возникает определённая правовая

несогласованность: организациям приходится ориентироваться сразу на несколько нормативных актов, которые могут устанавливать разные подходы и критерии отнесения к социальной сфере.

Юридическая конструкция социального предпринимательства строится на сочетании двух начал, традиционно рассматриваемых как противоположные, – извлечении прибыли и социальной миссии. Именно здесь коренится главная правовая проблема.

С одной стороны, социальное предприятие – это субъект предпринимательской деятельности в понимании пункта 1 статьи 2 Гражданского кодекса Российской Федерации: «оно действует самостоятельно, на свой риск и преследует систематическое получение прибыли. Коммерческий характер деятельности не подвергается сомнению» [4]. С другой стороны, закон связывает получение специального статуса и соответствующих преференций с соблюдением условий, по сути ограничивающих свободу предпринимательства: субъект обязан трудоустраивать определённый контингент работников, заниматься только перечисленными видами деятельности, не производить и не реализовывать подакцизные товары.

Возникает закономерный вопрос: каков правовой механизм, гарантирующий, что социальная миссия не утратится под давлением экономической логики? Действующий ФЗ № 209 обязывает субъектов ежегодно подтверждать статус социального предприятия и предусматривает включение в реестр, но последствия утраты статуса для уже оказанных услуг или заключённых договоров законодательно не урегулированы. Иными словами, инструмент создан, а правовые гарантии его стабильности – нет.

Дополнительную сложность создаёт размытость границ между социальным предпринимательством, благотворительностью и предпринимательством в социальной сфере. Частный детский сад, работающий исключительно ради прибыли, и детский сад, трудоустраивающий одиноких матерей и устанавливающий субсидированные места для детей из малообеспеченных семей, формально могут относиться к одной отрасли – образованию. Правовой инструментарий для их разграничения всё ещё остаётся недостаточно чётким.

Научная дискуссия вокруг социального предпринимательства в отечественной юриспруденции и экономической науке охватывает несколько плоскостей.

М. Л. Васюнина предлагает различать два теоретических подхода к трактовке социального предпринимательства [3, с. 183]. В рамках первого оно понимается как предпринимательская деятельность с выраженной социальной направленностью, то есть как бизнес, который, оставаясь ориентированным на получение прибыли, одновременно решает общественно значимые задачи. Второй подход трактует это понятие шире, включая в него и некоммерческую деятельность, связанную с извлечением дохода: здесь организация стремится к самоокупаемости, однако не распределяет полученную прибыль между участниками. При этом, как отмечает исследователь,

оба подхода сходятся в том, что экономическая результативность и социальная миссия не противоречат друг другу, а могут сосуществовать в рамках одной деятельности.

Принципиально иной акцент расставляют А.В. Савина и Н.А. Придворов. По их мнению, ключевое отличие социального предпринимательства от обычного состоит в цели: «социальные предприниматели стремятся преобразовать общество в целом» [8, с. 120], тогда как обычный предприниматель расставляет приоритеты в пользу собственной выгоды. Примечательно, что авторы видят в социальном контракте элемент публично-правового регулирования, что позволяет говорить о гибридной природе отношений в рассматриваемой сфере – одновременно частноправовой и публично-правовой.

С.М. Мотуренко акцентирует внимание на практическом несовершенстве действующего механизма: круг субъектов социального предпринимательства ограничен субъектами малого и среднего бизнеса, тогда как крупные структуры, способные оказать значительное социальное воздействие, формально исключены [6, с. 208]. Автор настаивает на необходимости самостоятельного федерального закона о социальном предпринимательстве, который охватил бы более широкий круг хозяйствующих субъектов.

П.П. Баттахов в нескольких своих работах последовательно развивает тезис о конституционных основах социального предпринимательства [1, с. 151]. Право на занятие предпринимательской деятельностью трактуется им как одна из высших конституционно защищаемых ценностей. Автор указывает на необходимость расширить перечень категорий работников, обязательных к трудоустройству в социальных предприятиях, за счёт ветеранов боевых действий и коренных малочисленных народов. В другой работе того же автора поднимается вопрос об интеллектуальной собственности в социальном предпринимательстве: «передача исключительных прав некоммерческими организациями затруднена из-за ограничений ГК РФ, предписывающего возмездный характер договора коммерческой концессии» [2, с. 77].

Обобщая доктринальные позиции и нормативный анализ, можно обозначить три взаимосвязанных правовых противоречия.

Первое – субъектная ограниченность. Статус социального предприятия в России доступен исключительно субъектам малого и среднего предпринимательства. Крупные организации, государственные учреждения, а также НКО, не зарегистрированные в реестре субъектов МСП, лишены возможности его получить. Между тем именно крупные структуры нередко располагают ресурсами для масштабного социального воздействия. Ограничение, таким образом, работает против идеи максимизации общественного блага.

Второе – отсутствие правовой защиты социальной миссии. Действующий закон не устанавливает механизма «защиты от отклонения»: нет нормы, которая обязывала бы

реинвестировать часть прибыли в социальные цели, нет санкций за систематическое сокращение числа работников из уязвимых категорий. Статус подтверждается ежегодно, что само по себе создаёт нестабильность в правоотношениях с контрагентами и публичными партнёрами.

Третье – размытость разграничения с НКО. Потребительский кооператив по Гражданскому кодексу является некоммерческой организацией, однако ФЗ № 209 относит его к возможным субъектам социального предпринимательства. Цели социального предприятия и СО НКО во многом совпадают, разница же – преимущественно в правовом режиме: налоговом статусе, порядке распределения прибыли, источниках финансирования, что создаёт почву для злоупотреблений: организация может выбирать ту «оболочку», которая выгоднее с точки зрения предпочтений, оставаясь по существу безразличной к социальной миссии.

Судебная практика красноречиво отражает описанные противоречия.

Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 30 мая 2023 г. № 1325-О вынесено по жалобе автономной некоммерческой организации «Финансовая кладовая», в наименовании которой прямо упоминается «развитие социального предпринимательства» [7]. АНО пыталась реализовать права, приобретённые по договору цессии в деле о банкротстве, настаивая на том, что её правозащитная деятельность в интересах работников должника представляет собой проявление социально ориентированного предпринимательства, а значит, ей должны предоставляться расширенные процессуальные возможности.

Конституционный Суд отказал в принятии жалобы к рассмотрению. Позиция суда сводилась к следующему: статья 12.1 Закона о банкротстве устанавливает исчерпывающий порядок избрания представителя работников должника – через собрание работников, – и включение в этот статус путём договора цессии законом не предусмотрено. Суд констатировал, что оспариваемые нормы не нарушают конституционных прав заявителя, поскольку АНО не была избрана представителем работников в установленном порядке.

Дело показательно по трем причинам:

1. растёт запрос на чёткое правовое определение статуса «социального предпринимательства»;
2. суды не признают его самостоятельным основанием для расширения прав без прямой нормы;
3. само название не даёт привилегий без официальной регистрации и может использоваться для злоупотреблений.

По нашему мнению, ключевая проблема состоит не в отсутствии желания государства поддержать социальный бизнес, – намерение очевидно и многократно выражено на высшем политическом уровне. Проблема – в принципиальной незавершённости правовой конструкции.

Принятые в 2019 году поправки в ФЗ № 209 задали вектор, но не создали системы. Статус социального предприятия оказался «привязан» к реестру субъектов МСП, что автоматически исключает из числа получателей поддержки организации, чья выручка превысила допустимые пороги, – даже если социальная миссия при этом сохраняется в полном объёме. Ежегодное подтверждение статуса создаёт административную нагрузку, несоразмерную для небольших структур, работающих с наиболее уязвимыми категориями населения.

Представляется, что выход состоит в принятии самостоятельного федерального закона о социальном предпринимательстве. Закон должен: во-первых, распространить действие специального статуса на все организационно-правовые формы, включая крупный бизнес и НКО, при условии соответствия содержательным критериям – доле социально значимой деятельности и порядку использования доходов; во-вторых, ввести механизм «защиты миссии» – требование реинвестирования части прибыли и прозрачной отчётности о социальном воздействии; в-третьих, чётко разграничить социальное предпринимательство, благотворительность и «коммерческое предпринимательство в социальной сфере» через квалифицирующий признак – наличие целевой уязвимой группы благополучателей, не способных самостоятельно нести рыночную цену услуги.

Социальное предпринимательство в России прошло путь от неформальной практики до легального института за сравнительно короткий срок. Однако правовой баланс между извлечением прибыли и общественной пользой по-прежнему не достигнут: нормативная база остаётся фрагментарной, судебная практика тяготеет к формализму, а доктринальные споры о природе явления не утихают.

Нынешняя конструкция, закреплённая в ФЗ № 209, – это скорее рамочное обозначение института, нежели его полноценное правовое оформление. Принятие самостоятельного закона о социальном предпринимательстве, включающего содержательные критерии миссии, механизмы её защиты и территориально гибкие стандарты поддержки, – не просто академическое пожелание, но практическая необходимость. Пока же социальный предприниматель в России по-прежнему вынужден строить своё дело на правовых «стыках» – и рассчитывать на то, что суд или регулятор разберётся в нюансах его миссии не хуже, чем он сам.

Список литературы:

1. Баттахов П.П. Конституционно-правовое регулирование социального предпринимательства // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 11 (227). – С. 151–154. (дата обращения 08.05.2026)

2. Баттахов П.П. Правовое регулирование в сфере интеллектуальной собственности при социальном предпринимательстве // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 3. – С. 76–83. (дата обращения 08.05.2026)
3. Васюнина М.Л. К вопросу о признаках социального предпринимательства: научная дискуссия и правовое регулирование // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. – 2020. – № 3. – С. 182–199. (дата обращения 08.05.2026)
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения 08.05.2026)
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения 08.05.2026)
6. Мотуренко С.М. Правовое регулирование социального предпринимательства в России: основные аспекты // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 12 (216). – С. 207–210. (дата обращения 08.05.2026)
7. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 30.05.2023 № 1325-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы АНО «Финансовая кладовая». – URL: <https://ksrf.ru> (дата обращения 08.05.2026)
8. Савина А.В., Придворов Н.А. Правовое регулирование социального предпринимательства в России // Вестник Тамбовского государственного университета. – 2019. – № 4. – С. 112–121. (дата обращения 08.05.2026)
9. Стенограмма выступления Президента РФ В.В. Путина на форуме «Опора России», 23 октября 2018 г. // FINMARKET.RU. – URL: <https://www.finmarket.ru> (дата обращения 08.05.2026)
10. Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях». – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения 08.05.2026)
11. Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (ред. от 22.07.2024). – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения 08.05.2026)
12. Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации». – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения 08.05.2026)